

**Отношения государства и церкви
в Кавказском крае в начале XX в. (1900-1907 гг.)**

В первом десятилетии XX в. отношения Российского государства и Церкви продолжали строиться в системе параметров прежнего столетия. Однако становилось все более очевидным, что политика обер-прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева, направленная на сохранение существовавших основ государственно-церковных отношений, а также его безапелляционные методы ее проведения в жизнь, теряли свою действенность. Среди большинства духовенства она вызывала недовольство и критику [3].

Российское государство-империя активно вмешивалось в жизнь религиозных конфессий, приспособляя их функционирование к своим нуждам, контролируя не только право на осуществление конфессиональной деятельности на своей территории, но и право подданных на вероисповедальное самоопределение. Конфессиональная структура российского общества формировалась в условиях вовлечения в него новых этнических контингентов, располагавшихся на ее окраинах.

Государство во многом определяло перечень задач, которыми обязывало Русскую Православную Церковь в ее общественном служении в Кавказском крае. Большинство государственных мероприятий в организации религиозной жизни общества направлялись, прежде всего, на унификацию и централизацию в устройстве религиозных общин, прежде всего, новообращенных христиан.

Кавказ, долгие годы изнуряемый противоборством и ненавистью, нуждался в нравственном обновлении, без которого трудно было надеяться переменить отношения между народами, населявшими Кавказский край, а также ввести отношения между русскими и кавказскими горцами в русло мирного и созидательного сосуществования.

Власти в РПЦ видели фундамент, на который могла опираться империя в своих действиях и планах в крае. Русская колонизация и социокультурные преобразования Кавказа открыли новый период в истории распространения христианства на этой обширной территории. Успехи колонизации позволяли восстанавливать и расширять пространство православия на земле Кавказа, что способствовало делу упрочения мира в этом регионе.

Государственная политика, направленная на инкорпорацию Кавказа, предполагала использование миссионерской деятельности. Священники-миссионеры сыграли определенную роль в установлении позитивных межнациональных отношений, выработали определенные механизмы взаимодействия с коренным населением края.

Миссионерская деятельность Церкви на Кавказе была дополнением, которое подлежало к исполнению сверх всех долженствований, лежавших на повседневных служениях РПЦ. Государство обязывало Церковь «оградить святую веру и восстановить православие там, где оно поколебалось» [8: 420].

Для укрепления христианства, как среди горского населения, так и среди колонистов, прибывавших из России, «...нужно иметь хороших проповедников и достаточно средств для того, чтобы устроить местную церковь в том виде, как она должна быть. При достаточных средствах можно было завести училища для образования проповедников, дать местной иерархии безбедное содержание, при котором ее можно будет пополнять достойными и приготовленными для своего дела пастырями, окружить христианское богослужение достаточною благопристойностью, чтоб оно внушало уважение...» [8: 413].

В реальности слишком часто восстановление угасавшей веры среди горских народов было предоставлено «слабым средствам местной епархии» [8: 412], которая при всей доброй воле ничего сделать не могла. Например, в Осетии, Сванетии или Хевсуретии построили несколько саклей,

названных церквями, убранных нищенской утварью, приставили к этим церквям священников, не имевших почти средств к пропитанию и содержанию собственных семей, совершенно зависимых от прихожан из-за кустика насущного хлеба, которых они должны были наставлять в вере [8: 412].

Развитие гражданской и религиозной истории Правобережья Кубани и Ставрополя после заселения их казаками и крестьянами осуществлялось в тесном взаимодействии. РПЦ предназначалась роль нравственного воспитателя народных масс, прибывавших в данный край из различных уголков империи.

«Синкретическая природа» русского православия много способствовала тому, что через церковную организацию проходило становление многих отраслей светской культуры. Однако имперские власти, в первую очередь, видели в Церкви первостепенного помощника внедрения в крае идеологических основ российской государственности и монархизма. Находясь под контролем имперских властей, РПЦ вынуждена была ставить вопросы имперской идеологии и имперского мировоззрения, не разделяя их с вопросами вероисповедальными.

К началу XX в. «Россия обладала тремя национальными институтами: монархией, Православной Церковью и армией. Тесно связанные между собою и с народом, эти институты олицетворяли Российскую империю. Ослабление взаимосвязи и взаимопонимания между ними при первом же серьезном испытании (Первая мировая война) способствовало разрушению империи» [11: 13].

В городах священнослужителей было больше, чем в сельской местности: в сельских храмах на одноклирный причт, состоявший из священника и псаломщика, приходилось 1500-2500 прихожан обоего пола [1: 426-478].

Светские власти не всегда относились с должным уважением и предупредительностью к своим духовным отцам и наставникам. Почетному званию духовенства они противопоставляли свой чиновничий гонор. Не только позволяли себе вмешиваться во внутренние дела духовенства, но допускали произвол и насилие. В обыденной жизни поэтому между духовенством и людьми влиятельными всегда происходили распри и пререкания, оканчивавшиеся зачастую не в пользу духовенства.

Свою долю вины в распространении непочтительного отношения к Церкви со стороны населения несла Высшая государственная власть. Пункт пятый Высочайшего указа «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка Правительствующему Сенату» гласил: «Для закрепления выраженного Нами в манифесте 26 февраля 1903 г. неуклонного душевного желания охранять освященную основными за-

конами империи терпимость в делах веры, подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения» [5]. В результате позиции РПЦ оставались ущемленными, поскольку синодальная система изменений не претерпела, положение же сектантов изменилось к лучшему [2].

Церковь оборонялась не только от наступления антиправославных конфессий и распространения атеизма, но и от формирования в обществе антиклерикальной и даже антихристианской атмосферы. Быстрая модернизация страны стимулировала враждебный Церкви процесс секуляризации [11: 14].

Согласно законам Российской Империи, РПЦ была господствующей, а государство – верховным защитником и хранителем догматов господствующей веры, а также блюстителем правоправия. Потому интересы веры трактовались как совпадающие с интересами империи. Однако статус господствующей Церкви не означал отсутствия у Церкви проблем в отношениях с государственной властью. Симфонии не было. В 1908 г. министр просвещения А.Н. Шварц заявлял, что Церковь в России – это всего лишь «особое духовное ведомство в составе государства» [11: 16], а потому государство вправе было иметь свой голос по любому предмету церковного права. Кроме того, «иго государственной власти» [11: 16], выступавшее в форме Синодального правления, деформировало внутреннюю жизнь Церкви.

Отсутствие права Церкви на самостоятельную инициативу вело к тому, что не складывалось организованной вокруг храмов и священников приходской жизни, а существовавшая церковная жизнь сводилась к пассивному посещению богослужений, и делало Церковь совершенно беззащитной перед новыми вызовами времени и многими ее врагами.

Как отмечали в связи с этим современники (Н. Лесков), обязанности приходского духовенства практически были сведены к исправлению треб и поиску нравственного оправдания любых шагов власти. При этом власти проявляли недоверие к духовенству, опасались любых форм самостоятельности или активности с его стороны [11: 17; 4].

Бедой приходского служения (Н. Зернов) было то, что в большинстве своем материально плохо обеспеченные и бесправные в отношениях с местными властями и малообразованные сельские священники с трудом выполняли свои обязанности духовных наставников паствы. И в силу этих и иных обстоятельств пребывали в большинстве своем в

культурной и социальной изоляции [11: 17; 4].

Настоятель Вознесенской Владикавказской церкви священник Иоанн Попов в 1902 г. писал, что прихожане его церкви, почти исключительно мещане – ремесленники, и только в отчетном году появились бедные чиновники, которые стали селиться в слободке. Мещане, уроженцы внутренних губерний России со своими русскими религиозно-бытовыми правилами и обычаями – от усердного хождения в храм, до усердного пьянства включительно – крупных пожертвований на церковь не давали. Мелочные пожертвования были маслом, ладаном, сбором денег и покупкою одежд на аналои и пелен на иконы и проч. К исповеди и причащению в целом относятся с должным вниманием, «хотя есть и неговеющие по несколько лет» [12: 84-84 об.].

В отчете другого благочинного IX округа о. Михаила Попова отмечалось, что нравственное состояние среди местного казачества находилось не на должном уровне. Благочинный писал: «Казачья по своему нравственно-религиозному состоянию стоят не высоко... Масса вредных обычаев, предрассудков, суеверий и развлечений царят между казаками. Самым губительным и страшным пороком, как и прежде, является праздничный разгул и пьянство между казаками ... В храмовые праздники пьяный разгул в станицах достигает гомерических размеров... Сильно распространена между казаками также карточная игра... Весьма сильно распространено сквернословие...» [12: 228 об. -232].

Благочинный XII округа о. Александр Цаголов констатировал, что «отношение прихожан к богослужению с каждым годом улучшается, но, в общем, оно заставляет желать далеко лучшего. Такой вывод приходится делать потому, что раз в приходской церкви, где прихожан, в воскресный или праздничный день число богомольцев не доходит до 100 – до 200, исключая, конечно, учащихся, там отношение прихожан к церкви безотрадное. А в большинстве осетинских церквей не бывает и 50 богомольцев... Степень религиозной просвещенности ... низка. Религия их представляет смесь христианских понятий с языческими суевериями. Из христианства заимствуются только одни обряды и то далеко не все, притом весьма неохотно. Что же касается самой сущности религии, то она весьма и весьма туго проникает в жизнь народа. Так, почти все прихожане приносят в церковь детей для крещения, многие непременно приглашают священника на дом для приобщения больных, отпевания покойников, равно, за исключениями, вступают в брак по обряду Православной Церкви. Но зато большинство прихожан неохотно посещают церковь, не исполняют христианский долг исповеди и Св. Причастия» [12: 226 об. – 229].

Делу мало способствовало и то, что, как отмечал церковный исто-

рик И.Г. Айвазов, «собирая с народа по копейкам, как попрошайка, и завися экономически от милости прихожан, какое духовное влияние может иметь наш сельский священник... Ведь для влияния он должен иметь самостоятельность, независимость, хорошую обстановку. Бедность хоть кого сломит... Сознание личного достоинства притупляется, а нравственные чувства грубеют» [11: 17].

Оценку, сходную с оценкой И.Г. Айвазова, высказывала Т.Г. Леонтьева: «Только непреодолимая житейская нужда привела к тому, что в священнической среде развился такой серьезный нравственный недуг – раболепство, угодничество перед богатыми прихожанами и пренебрежительное отношение к деревенской бедноте» [11: 18].

Вопрос о государственной помощи Церкви и назначению государственного жалования беднейшему духовенству был поднят при императоре Александре III и решен только в отношении беднейших приходов. Духовенству таких приходов положили жалования от 50 до 150 рублей в год, что было, однако, далеко от необходимых потребностей. Но и эти меры вызвали неудовольствие у обер-прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева, который был против этой реформы. По его мнению, «содержание духовенства за счет прихожан обеспечивало его слияние с народом и не превращало в чиновников» [11: 39].

В реальной жизни сборы с населения (крестьяне давали яйца, сметану, зерно, печеный хлеб) были тягостны для обеих сторон. Как вспоминал митрополит Евлогий: «Священнику – унижение материальной зависимости и торга за требы, крестьянам – тягостное, недоброе чувство зависимости от «хищника», посягавшего на крестьянское добро» [11: 39].

Наблюдавшееся повсеместно в России и на ее окраинных территориях падение авторитета священничества – Церкви порождали антиклерикальные настроения, без которых масштабные гонения на Церковь при большевиках были бы невозможны.

Серьезным испытанием для Церкви стала революция 1905-1907 гг. Революционная смута затронула не только все светские сферы общества, но также семинарии и духовные академии. В их стенах создавались политические организации и кружки.

В этот период Церковь не могла продолжить свое служение по восстановлению и защите веры среди кавказских народов. Осенью 1905 г. десятки семинарий по всей стране были охвачены забастовками [10: 116-117], а Кавказ наполнился неповиновением и разбоями.

Царские манифесты 1905 и 1906 гг. о веротерпимости, которые расширяли права неправославных конфессий, «поставили Церковь в оборонительное положение» [11: 22]. К тому же РПЦ оказалась совершенно

неподготовленной к столкновению с идеями социализма, из-за которых значительная часть общества стала видеть в Церкви только оплот царизма, а в христианстве – пережиток прошлого [11: 23].

В условиях захлестнувшей умы эпидемии атеизма, ускорился процесс секуляризации сознания приходского духовенства. Провинциальные семинарии нередко пустовали. Дошло до того, что в семинариях священниками становились лишь 2-3 из 50-60 выпускников. Городские провинциальные священники перестали отдавать своих сыновей в духовные школы, которые стали превращаться в рассадники атеизма и неверия [13: 255].

Кажется невероятным, но поповичи составляли активную часть революционного движения, вторую по численности (после евреев) социальную группу. Объясняя этот феномен, митрополит Евлогий отмечал, что «...забитость и униженное положение отцов сказывалось бунтарским протестом в детях» [11: 26]. В начале XX в., во время коренной перестройки империи из гимназий и семинарий стали выходить не православные верноподданные, а атеисты и революционеры. В этой связи не случайным было то обстоятельство, при котором среди руководящего состава партии социалистов-революционеров поповичи составляли 9,4%, у большевиков их было 3,7%, у кадетов – 1,6% [9: 746-779].

Далее ситуация только усугублялась. В канун Февральской революции 1917 г. критическое отношение к Государю затронуло и церковную среду – активную часть приходского священства, часть профессуры духовных академий и епископата [11: 30].

В условиях потрясений 1905-1907 гг. и наступавшего системного кризиса, Кавказ, где накопившиеся проблемы социально-экономического, политического характера, нередко становились той почвой, которая порождала напряжение среди местных народов. На территориях с дисперсным расселением этносов образовывались ареалы хронической конфликтности. География этих ареалов была достаточно обширной, а уровень этнической конфликтности постоянно повышался [7: 113].

Российские власти вынуждены были реагировать, чтобы преодолеть негативное развитие процессов, охвативших пространство Кавказского края. С 1905 г. восстанавливается Кавказское наместничество как проверенная временем эффективная форма государственного патронажа над окраинными территориями страны. Задачей наместнической администрации было успокоение Кавказа и отвращение его от революционных эпидемий.

Государство надеялось, что РПЦ сделается неодолимой силой поддержания стабильности, способной выступить против многопартийности и группового сепаратизма, сохранения Кавказа в составе Россий-

ской империи. Надо, однако, отметить, что в связи с вышеизложенными фактами такие надежды не имели реальных оснований.

Как отмечает Д.И. Исмаил-Заде, конфессиональная политика оставалась одним из проблемных моментов в управлении краем [7: 131]. Помимо проблем, связанных с взаимодействием с кавказскими мусульманами, немало проблем возникало из-за этно-конфессионального противостояния азербайджанцев и армян, а также из-за целенаправленного стремления Грузинской Православной Церкви вернуть себе автокефалию.

При развитии церковного дела в Грузии сделалось заметным отчуждение местного населения от духовенства. Прихожане перестали ходить в церковь даже по большим праздникам и не обращались к священникам ни по одному вопросу по той простой причине, что те не умели ни читать, ни говорить по-грузински. Нетерпеливое стремление иерархов РПЦ «обрушить» грузинское духовенство и заменить местные церковные обычаи общерусскими породило сильное напряжение между РПЦ и ГПЦ [8: 472-473].

«Особое совещание по делам веры», учрежденное в 1906 г. под председательством графа А.П. Игнатъева, а также умение заместителя И.И. Воронцова-Дашкова ладить с экзархом Грузии амортизировали столкновения между представителями грузинского и русского клира. Наместник по своей воле и под свою ответственность корректировал решения Св. Синода в крае [7: 134].

Настоятельно требовалось разрешить также конфликт между РПЦ и Российским государством, с одной стороны, и Армяно-Григорианской Церковью, с другой. Конфликт стал развиваться после принятия Высшими властями в 1903 г. по инициативе кавказской администрации (кн. Г.С. Голицын) указа о наложении секвестра на церковное имущество и закрытие церковных школ, в качестве меры против террористической деятельности партии «Дашнакцутюн». Это было воспринято в армянской этно-конфессиональной среде как акт религиозной дискриминации, что сильно поспособствовало росту сепаратистских настроений среди армян Кавказа [6: 143-144].

Ситуация несколько разрешилась после отмены данного указа в 1905 г. благодаря усилиям заместителя, которому удалось убедить Петербург в пагубности такого рода действий в условиях расплывшейся по краю революционной эпидемии.

В то же время надо отметить, что ни властям, ни РПЦ не удавалось сохранить положение дел, при котором Православная вера составляла бы главную народную силу России, как Россия в свою очередь составляла бы божественное орудие для торжества Православия [8: 414].

Революционная смута внесла непоправимые неурюстройства в структуру РПЦ и поколебала устои российской государственности, подорвала сохранявшуюся известную степень доверия в отношениях между государством и Церковью.

Эта ситуация имела самые разрушительные последствия в кавказской этносоциальной среде: у многих развязались руки для совершения преступных действий и были поколеблены связи, имевшие целью полное слияние кавказской окраины с империей.

Библиографический список

1. Бабкин А.М. Духовенство Русской Православной Церкви и свержение монархии (начало XX в. 1917 г.). М., 2007. 532 с.
2. Горобец А.А. Владикавказско-Моздокская епархия русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX вв. URL: <http://pandia.ru/text/78/281/1668.php>.
3. Государственно-церковные отношения в начале XX в. Проблемы реформирования российского вероисповедного законодательства. URL: <http://pandia.ru/text/78/169/21864-9.php>.
4. Зернов Н.М. Русское религиозное возрождение XX в. Paris: YMCA-Press, 1991. 368 с.
5. Именной Высочайший указ о предназначениях к усовершенствованию государственного порядка Правительствующему Сенату // Владикавказские епархиальные ведомости. 1905. 15 января.
6. Исмаил-Заде Д.И. И.И. Воронцов-Дашков. Наместник кавказский // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб.: АОЗТ журнал «Звезда», 2001. С. 138-149.
7. Исмаил-Заде Д.И. Граф И.И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. 511 с.
8. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2005. 720 с.
9. Политические партии России: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 1996. 800 с.
10. Федоров В.А. Церковь и государство: Синодальный период. М.: Русская панорама, 2003. 480 с.
11. Филиппов Б.А. Очерки истории России. XX век. М.: ПСТГУ, 2012. 720 с.
12. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания. Ф.143. Оп.2.
13. Шавельский Г. прот. Русская Церковь перед революцией. М.: Артос-Медиа, 2005. 512 с.